

# ЦЕРКОВЬ СВЯТЫХ ИЛИ

Проповедь в день Святого Духа

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие отцы, братья и сестры! Наверное, все мы уже не раз слышали, что день Пятидесятницы, день сошествия Святого Духа, явился днем основания Церкви, ибо в этот день простая община учеников Господа, собиравшихся после смерти своего Учителя при закрытых дверях *страха ради Иудейска* (Ин. 19,38), вдруг превратилась в Церковь, каждый член которой стал смелым проповедником Воскресения Спасителя и пришедшего Царства Небесного.

В этот день — день рождения Церкви — наиболее уместно подумать о том, что такое Церковь Христова.

Можно приводить много образов, которые бы нам открывали тайну Церкви. Но, быть может, один из самых ярких, проясняющих сущность Церкви — это образ врачевницы. "Понеже пришел еси во врачевницу, да не неисцелен отыдеши", — так слышим мы постоянно на исповеди. Этот образ дал нам Сам Спаситель, ибо Ему не раз приходилось повторять фарисеям, осуждавшим Его за общение с грешниками: *Не здравии имеют нужду во врачех, но больные* (Мф. 9, 12). Казалось бы, все ясно. Все мы больны, поражены грехом. Церковь — единственное место, где человек получает истинное исцеление от греха, участвуя в церковных Таинствах. Но если мы откроем апостольские послания, то к своему удивлению обнаружим, что, обращаясь к христианам различных общин, апостолы не зовут их грешными, или пораженными грехом. Напротив, первые христиане осознавали себя *родом избранным, царственным священством, народом святым, народом, взятым в удел* (1 Петр. 2,9). Христиане звали себя святыми.

Это кажется сейчас удивительным. Ведь никто из православных в наши дни не зовет друг друга так дерзновенно. Разве сейчас мы можем звать друг друга святыми, и не будет ли это для всех признаком того, что мы находимся в глубочайшей прелести? Неужели в Церкви произошел переворот сознания и правы протестанты, призывающие вернуться к апостольским временам?

А иначе как можно совместить слова апостола, что *вы* (христиане) — *народ святой*, с тем, что сказал в IV веке преподобный Ефрем Сирий: "Церковь Христова — это Церковь кающихся"? Ведь под словом "кающийся" подра-

зумеается "грешный", "согрешивший"; а "святой" для нас означает скорее "безгрешный". Как совместить это? Может ли кающийся быть святым, а святой кающимся?

Этот вопрос возник когда-то и у преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, когда он со своим другом Германом посещал восточных отцов-пустынников. Так, однажды они спросили у аввы Феоны: "Отче, ты говорил, что только святые могут причащаться святыих Христовых Тайн и удостоиться Царства Небесного, а

сейчас ты говоришь, что никто не чист от греха. Неужели тогда никто не должен причащаться и никто не спасется?" Авва ответил: "Вы заблуждаетесь, путая слова "святой" и "безгрешный". Разве вы не читали: *семь раз праведник упадет и встанет, а нечестивые впадут в погибель* (Притч. 24,16). Такой ответ получил преподобный Иоанн Кассиан: праведник отличается от грешника не тем, что уже не впадает в согрешения, или тем, что, будучи праведным, он грешит реже или более "мелкими" грехами — нет, не в этом отличие. Отличие в том, что праведник падает и встает, поднимается после каждого падения. Грешник же падает каждый раз все ниже и ниже. И здесь даже не столь важна величина греха, как покаяние после падения.

Однажды к старцу пришли две женщины. Одна впадала в тяжкий грех, а другая никаких тяжелых грехов не совершала, и потому, зная о падении первой, осуждала и превозносилась в сердце. Тогда старец подозвал обеих и повелел им идти в поле и собрать камни: первой он велел принести один большой камень, а второй — множество мелких. Вскоре обе вернулись. Тогда старец сказал: "А теперь идите и верните каждый камень на свое место". И тогда принесшая мелкие камушки возроптала: "Да как же мне их вернуть, разве я могла упомнить, где какой камень взяла?!" На это старец ответил, что это — образ их грехов. Мелкие грехи тем и страшны, что тяжесть их также велика, но человек не замечает того, как он впадает в них и не может покаяться, и потому с трудом несет этот груз всю жизнь. Тяжкий же грех подчас скорее приводит человека к осознанию своей греховности и к покаянию, то есть к восстанию от греха.

Итак, вновь спросим себя: может ли святой быть кающимся, может ли Церковь святых быть Церковью



# Церковь кающихся?

кающихся? Может. Но только нужно правильно понимать слова “святой” и “кающийся”.

Авва Феона говорил Иоанну Кассиану: «Вы путаете слова “святой” и “безгрешный”. Ибо святыми могут быть многие, и, более того, это общее название не только для людей, но и для предметов, сообщающихся со святыней. Безгрешным же был только Господь наш Иисус Христос». Но что же тогда означает слово “святой”? Оно означает “избранный”. Как и говорит Апостол: *народ святой, род избранный*. Подобно тому, как еврейский народ был святым, потому что был избран Богом быть хранителем Завета, и это избрание совершилось не за высокие нравственные качества Израиля, но по Промыслу Божию. Еврейское слово “святой” (“кадош”) означает “выделенный”, “предназначенный для принесения в жертву”. Так и христиане святы, потому что избраны Богом для хранения Нового Завета, они избраны, ибо предназначены для принесения себя в жертву Богу, как мы и слышим ежедневно: “Весь живот наш Христу Богу предадим”. Итак, “святой” означает “избранный”, предназначенный для святости. Вспомним слова Священного Писания: *семь раз праведник упадет и встанет*. Встанет, потому что он избран и предназначен быть святой жертвой, чистой от греха. Встанет, ибо постоянно осознает свою обязанность очищать себя от всякой скверны, то есть приносить покаяние. А потому Церковь может быть Церковью святых только тогда, когда она является Церковью кающихся.

Но вернемся к тому, с чего начали, — к образу Церкви как лечебницы. Нам уже известно, что мы — Церковь кающихся, или, используя образ лечебницы, можно сказать, что мы не Церковь здоровых, но Церковь больных, чающих исцеления. Чем человек мира сего отличается от церковного? Разве не одни и те же немощи одолевают и того, и другого, и не в одни ли и те же пороки впадают оба? Чем мы, церковный народ, можем похвалиться перед миром? Скорее всего, ничем, кроме одного — тем, что мы хотим вылечиться.

Представим себе город, весь пораженный давней и тяжелой болезнью. Пройдем по его улицам и увидим множество больных, привыкших к своему положению и уже не замечающих болезни. А после придем в больницу, стоящую посреде города. И удивительно, но первое, что мы встретим — это еще большее количество болящих и пораженных подчас болезнью в большей степени, чем люди за стеной больницы. Мы не увидим огромного числа выздоровевших людей, да и вылечившиеся не будут иметь вполне здоровый вид, ибо любая болезнь оставляет шрамы и рубцы от язв, изуродовав человека на всю жизнь. Но тот, кто внимательно взглянет, увидит, что раны у болящих здесь все же другие — они уже не кровоточат, и каждая из них получает необходимый уход и лечение. Приходящие сюда не стыдятся обнажать

все свои раны перед врачом, и эти больные люди — кто-то с радостью, но чаще с мучением — переносят боль, которая возникает от прижиганий и лечения. Но все с терпением переносят ее, ибо единственная их цель — выздоровление. Так же и в Церкви. Человек, пришедший в храм и бросивший поверхностный взгляд, увидит лишь людей с обычными для всех немощами и грехами, такой человек не увидит, в чем же заключается святость Церкви, он не увидит никаких признаков сошествия Духа Святого на Церковь.

Так и приходят люди в Церковь и не видят ее святости, ибо не знают, что Церковь есть лечебница для больных. Люди ищут святости Церкви в святости ее членов, и, не увидев святых среди христиан, не хотят верить в Церковь. Но в том-то и дело, что не Церковь свята из-за того, что мы святы, а наоборот, мы становимся святыми из-за того, что Церковь обладает истинным врачеством для наших немощей — благодатью Святого духа, сошедшего в Пятидесятницу. И как о достоинстве больницы лучше судить по тому, сколько больных прибегает к ее помощи, так и достоинство Церкви мы можем увидеть в том, что множество грешников прибегает к ее благодатным дарам и получает исцеление. И потому ни наши грехи не могут омрачить святость Церкви, ни наша праведность ничего не может добавить к святости Церкви, ибо святость Церковная — это святость Христова. Но люди не видят не только святости Церкви, но и святости людей. Ибо ее ищут в безгрешности, а не в покаянии. Но мы знаем, что “святой” значит “приносящий покаяние”. И святые отцы всегда предупреждали: “Не осуждай другого, ибо ты видишь его падение, но не видишь его покаяния”.

Но мы веруем во “единую святую, соборную и апостольскую Церковь”. Веруем, потому что знаем, в чем святость Церкви, — в том, что Дух Святой сошел на апостолов и сообщил Церкви дар исцелять немощи людей. Мы знаем, в чем святость христиан, — в том, что они приносят покаяние, стремясь быть достойными своего призвания и избрания.

В эти дни мы празднуем день рождения Церкви, а в такие дни принято приносить некий дар. Что же мы можем принести в дар Церкви? Только самих себя. Предадим же всю нашу жизнь Церкви и станем истинными христианами, то есть святыми; святыми — то есть кающимися. И потому будем же прибегать ко всем таинствам церковным, а прежде всего к покаянию, ибо с покаяния начинается любое приближение к Богу. Покаяние — вот невидимая для глаз, но осязаемая для сердца граница Церкви. Пребудем же внутри ограды церковной, среди стада Христова, предназначенного к святости, пусть не достижимой в этом веке, но имеющей открыться в нас в веке будущем. Аминь.